

В. А. Аракчеев

КРЕСТЬЯНСКИЙ ОТКАЗ И ПОРЯД:
ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В РУССКОЙ ДЕРЕВНЕ XV–XVI вв.

Феномен крестьянского отказа и порядка — ухода и определения на новое место жительства — принадлежит к числу институтов обычного права. Именно о таких явлениях в присущей ему афористической манере в свое время высказался С. Б. Веселовский. «Можно считать аксиомой, что такие простые институты гражданского права, отвечающие насущным потребностям жизни, возникают не по указам власти, складываются, формулируются и затем изменяются очень медленно, и если выходят из оборота, то не бесследно, а сменяются другими, подобными же институтами»¹. Исходя из приведенной методологической посылки, мы и попытаемся исследовать ключевые понятия социальной истории Руси XV–XVI вв. — отказ и порядок. Историография проблемы труднообозрима. Все крупные историки, занимавшиеся и аграрными отношениями в целом, и историей Руси данного периода, так или иначе касались этой проблемы. Поэтому мы рассмотрим лишь этапные работы, с которыми связаны существенные сдвиги в ее понимании.

У В. О. Ключевского нет специальных исследований по ранней истории крестьянства, но его суждения о складывании права крестьянских переходов в России были наименее противоречивыми. Он полагал, что крестьяне на Руси являлись безземельными хлебопашцами, работавшими на чужой земле; «садясь» на деревню, крестьяне заключали с землевладельцем поземельный договор. В. О. Ключевский не ограничивал применение правил судебников о крестьянском отказе только частновладельческими землями, и считал, что общины черных и дворцовых крестьян также были заинтересованы в том, чтобы «затруднить своим старожильцам переход на более льготные земли, особенно церковные»².

¹ *Веселовский С. Б.* К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926. С. 14.

² *Ключевский В. О.* Сочинения в 9 тт. Т. 2. М., 1988. С. 295.

Разные категории крестьян, по его мнению, подвергались закрепощению не одновременно и на разных условиях. Следы прикрепления черных крестьян к тяглу — считал Ключевский — заметны «...еще в удельные века; источником этих попыток было естественное желание удельных правительств обеспечить себе тяглецов среди общей бродячести населения»³. Однако это почти интуитивное прозрение историка не было услышано и вписано в историографический контекст.

Концепцию закрепощения Ключевского попытался усовершенствовать М. А. Дьяконов. С одной стороны, Дьяконов отрицал государственный характер закрепощения, с другой — старался обосновать мнение, что люди, внесенные в писцовые книги и иные официальные документы, правом выхода не пользовались. Предположение исследователя о фактическом закрепощении старинных тяглых людей уже в XVI в. выглядит натянутым, а всякое расхождение с фактами, например, столкновения между помещиками и черными крестьянами в Ржеве Пустой в 1555 г., Дьяконов трактовал как исключение⁴. Д. Я. Самоквасов также был убежден в раннем прикреплении тяглых крестьян. Правом отказа и перехода, по предположению Самоквасова, пользовались только новопорядчики, «вольные люди, поряжавшиеся в крестьяне-земледельцы по своей воле»⁵.

Наиболее разработанную для своего времени концепцию права крестьянских переходов предложил Б. Д. Греков. Его концепция о праве крестьянского отказа была не лишена противоречий, и, в общем виде, сводится к следующим положениям. Греков считал, что закрепощение до конца XVI в. носило ограниченный характер и крестьянские переходы осуществлялись свободно. Старожильцев исследователь считал людьми тяглыми, зависимыми от государства или землевладельца, но они, согласно его представлениям, пользовались правом перехода.

Запрещение «отказов» касалось не всех крестьян, а, прежде всего, серебряников, «через серебро попавших на работу к хозяевам и теряющих право свободно их покидать». Греков сделал совершенно верное заключение о специфическом характере социальных отношений, отразившихся в белозерских грамотах, данные которых использовались в науке для решения крестьянской проблемы в целом⁶. Из концепции Грекова следовало, что с принятием Судебника 1497 г. право отказа распространилось на те категории крестьян, которым ранее запрещалось уходить от своих землевладельцев, т. е. на бывших серебряников⁷.

³ Ключевский В. О. Сочинения в 9 тт. Т. 8. М., 1990. С. 170–171.

⁴ Дьяконов М. А. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве (XVI–XVII вв.) СПб., 1898. С. 31, 34–35.

⁵ Самоквасов Д. Я. Архивный материал. Т. 2. М., 1909. С. 9, 17, 21.

⁶ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси. Т. 2. М., 1954. С. 95, 109, 112.

⁷ Там же. С. 297.

Л. В. Черепнин первоначально излагал свои представления о праве переходов в соответствии с положениями Грекова об их свободе и ограниченном характере закрепощения. Он был склонен объяснять появление актов, запрещающих переходы, «особой исторической обстановкой», характерной для районов, «где скрещивались новгородские и московские влияния»⁸. В монографии 1960 г. Черепнин иначе интерпретировал эти акты, заявив, что уже в XV в. основная часть крестьян — «старожильцы» — начинают рассматриваться как крепкие земле, связанные с определенными земельными участками. Старожильцев Черепнин отождествлял с «людьми письменными», которых князья запрещали землевладельцам перезывать со своих земель. Согласно представлениям Л. В. Черепнина, уровень развития законодательства в XV в. был настолько высок, что власть могла принять два возможных решения, как он выражался, «по крестьянскому вопросу»: осуществить полный запрет крестьянских переходов или ограничить их легализованными рамками.

Первое направление политики власти нашло отражение в грамотах Троице-Сергиеву монастырю на Присеки и Углицкие села, второе — в грамотах наместникам в Ярославль и Суздаль. Черепнин признавал, что «полное запрещение отказов было невозможно в условиях ... феодальной раздробленности», но тенденция к закрепощению обозначилась ясно. «С середины XV в. постепенно отдельными княжескими грамотами для отдельных феодальных вотчин вводится правило об отказе крестьян, причем грамоты не ограничивают это правило какой-либо отдельной категорией крестьянства»⁹. Л. В. Черепнин считал, что ст. 57 «делает значительный шаг по пути юридического оформления крепостного права», и связывал ее происхождение с развитием барщинного хозяйства и появлением денежной ренты, а также с писцовыми описаниями¹⁰.

Через два года после выхода монографии Черепнина вышла развернутая рецензия И. И. Смирнова. Смирнов выделил слабое звено в цепи рассуждений Л. В. Черепнина — интерпретацию формул иммунитетных грамот. Черепнин истолковывал постановления льготных грамот о призыве людей из иных княжений и неприеме тяглых и письменных людей как доказательство запрещения приема в вотчины тяглого населения данного княжества. В противовес своему оппоненту И. И. Смирнов объяснял запретительные формулы льготных грамот иначе — не как директивы князей, а как постановления, освобождавшие новоприходцев извне государства от налогов на более или менее дли-

⁸ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. Ч. 2. М., 1951. С. 158.

⁹ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства. М., 1960. С. 247—250.

¹⁰ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы. Ч. 2. С. 333, 374—375, 383.

тельный срок. Получая льготную грамоту на свои владения, «феодалы должны были стремиться к тому, чтобы сажать в качестве жильцов ... такие категории людей, в отношении которых они могли рассчитывать на получение льгот. Но они могли принять и тяглых письменных людей из числа крестьян внутри своего княжества, когда считали нужным расширять население своих вотчин независимо от того, что какая-то часть его может оказаться в менее привилегированном положении по сравнению с людьми, находящимися под действием финансового и судебного иммунитета»¹¹.

Ценнейшие наблюдения Смирнова не были доведены до логического завершения. Исследователь сосредоточил свое внимание на праве приема тяглецов и проигнорировал недвусмысленные указания целого ряда грамот о запрете *выхода* крестьян. Другим важным упущением Смирнова стал отказ от комплексного анализа актов о серебрениках Белозерского уезда и формул о запрете их перехода. Именно эти обстоятельства дали возможность Черепнину полностью отвергнуть критические замечания Смирнова в известной коллективной монографии¹². Не стали новым словом и разыскания Г. Е. Кочина в области социальных отношений на Руси XV в. Кочин считал, что явление «старожильства», равно как и слова «старожильцы» и «пришлые», относятся к «бытовому, житейскому» языку. Не являясь отдельной категорией крестьянства, старожильцы не были прикреплены к земле, а известные грамоты о запрете переходов старожильцев в Бежецком Верхе и Угличе Кочин определял как «частное и временное решение»¹³.

Наблюдения Черепнина дополнил А. Д. Горский. Первым из отечественных историков Горский предпринял попытку изучить акты XV в. с упоминанием о Юрьеве дне «не как простую сумму одинаковых актов, а как определенный комплекс документов, находящихся в известной взаимосвязи». Позднее А. Д. Горский с той же целью предпринял попытку исследования договорных грамот¹⁴. Однако подлинно комплексным его метод назвать нельзя, так как сопоставления результатов исследования договорных и договорно-законодательных актов, относящихся к одной территории, автор не провел. Отсюда многочисленные бездоказательные положения, как, например, вывод о том, что в грамоте 1488—

¹¹ Смирнов И. И. Заметки о феодальной Руси XIV—XV вв. // ИСССР. 1962. № 3. С. 143—145.

¹² Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М., 1972. С. 243—248.

¹³ Кочин Г. Е. Сельское хозяйство на Руси конца XIII — начала XVI в. М.; Л., 1965. С. 410—411, 416.

¹⁴ Горский А. Д. Договорные грамоты XIII—XV вв. как источник по истории закрепощения крестьян на Руси // Исследования по истории и историографии феодализма. М., 1982. С. 159—173.

1490 гг. говорится о «продаже крестьян без земли»¹⁵. Неверной представляется и исходная посылка в концепции Горского — позитивистское представление об определяющей роли государства, в частности, княжеской власти в регламентации крестьянских переходов. Горский рассматривает Юрьев день как правовую норму, которая возникла только в Московском княжестве, затем, будучи заимствованной белозерским князем, распространилась на владения Кирилло-Белозерского монастыря и другие территории.

В условиях феодальной раздробленности описанная А. Д. Горским экспансия государственного права была немыслимой. Горский не делает попыток найти глубинные основы общности правовых норм Северо-Восточной Руси. Вопрос о праве крестьянского отказа как о норме обычного права им даже не ставится. Высказанные ранее идеи Горский обобщил в академическом труде по истории крестьянства, где «политика» великих московских князей по «крестьянскому вопросу» была охарактеризована как «жесткая закрепостительная». Горский рассматривает эволюцию права «отказа» крестьян в контексте их «борьбы против усиления феодального гнета» и даже не упоминает о возможности трактовки крестьянского отказа как гражданско-правовой процедуры¹⁶.

Концепция И. И. Смирнова была развита И. Я. Фрояновым, который предпринял исследование формул жалованных грамот из фондов пяти крупнейших монастырей. В результате анализа актов Троице-Сергиева монастыря И. Я. Фроянов подтвердил вывод И. И. Смирнова о том, что из формул о перезыве людей из инога княжения не следует мысль о запрете призывать людей из вотчины князя, выдавшего грамоту. Такие люди могли появиться на землях грамотчика, но не на льготных условиях. Поддержал Фроянов и исходный тезис концепции И. И. Смирнова: Юрьев день как срок отказа и выхода, прежде чем попал в княжеские грамоты, существовал в рамках обычного права.

Однако конечный вывод Фроянова о том, что на протяжении XIV и XV вв. русские крестьяне пользовались правом свободного выхода, представляется все же слишком обобщенным и потому неточным. И. Я. Фроянов рассмотрел и проблему старожильства, согласившись с Кочиным, что понятие «старожилец» носило бытовой, житейский характер. Но «давняя связь» старожильца с пунктом, упоминаемым в жалованной грамоте, по мнению Фроянова, не делала его крепостным¹⁷.

¹⁵ Горский А. Д. Об ограничении крестьянских переходов на Руси в XV в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963 год. Вильнюс, 1965. С. 132–144.

¹⁶ История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 2. М., 1990. С. 222–229.

¹⁷ Фроянов И. Я. Старожильцы на Руси XV в. // Вестник ЛГУ. 1981. № 2. Вып. 1. С. 20–26.

Аналогичный подход к анализу грамот Троице-Сергиева монастыря осуществил Ю. Г. Алексеев. По мнению автора, форма указной грамоты на с. Присеки является уникальной, а ее появление было результатом местоположения троицкого села в пограничном районе. Причину вывода монастырских людей в Углицком уезде исследователь видит в дезертирстве — «лопытке уклониться от несения военной службы в свой черед, а вовсе не в обычном отказе или выходе». Таким образом, Ю. Г. Алексеев считает, что «ни бежецкая, ни углицкая грамоты не являются бесспорным доказательством существенного стеснения (тем более отмены) права крестьянского отказа»¹⁸. Право крестьянского отказа в Юрьев день Ю. Г. Алексеев возводит к прочно сложившимся и широко распространенным местным вотчинным нормам и обычаям.

Двойственное впечатление произвела в части, касающейся исследования права перехода крестьян, книга А. Л. Шапиро. Источниковая основа работы страдает неполнотой: некоторые важные для понимания проблемы и опубликованные акты автор лишь упомянул, другие вовсе оставил без внимания. Отстаивая в полемике с Грековым идею о том, что право перехода распространялось на всех монастырских крестьян, А. Л. Шапиро опровергал данные белозерской грамоты формулировками актов XV в., относящихся к другим регионам Руси¹⁹. Вместе с тем, в монографии А. Л. Шапиро содержится ряд суждений, имеющих крупное эвристическое значение. Во-первых, он выступил против мнения Сергеевича, Кочина и Фроянова о том, что понятие «старожильства» не имело юридического значения и заключало в себе лишь бытовое содержание. «Термины «пришлые», «новики», «инокняженцы», «старожильцы» и «тутошние старожильцы» были заимствованы из бытовой речи, но, попав в документы, имевшие социальное и юридическое содержание, приобрели определенный социальный и юридический смысл»²⁰. Во-вторых, Шапиро впервые привлек для изучения феномена пожилого материалы новгородских писцовых книг, что позволило поставить вопрос о соотношении размера пожилого и потерь, которые нес землевладелец в связи с крестьянским выходом. Таким образом, широкая источниковая база и усовершенствованный аналитический аппарат монографии позволили ее автору достичь серьезного прогресса в изучении проблемы.

Всесторонний анализ комплекса монастырских порядных второй половины XVI в. предприняла Е. И. Кольчева, но порядные не были

¹ Алексеев Ю. Г. Некоторые спорные вопросы в историографии Русского централизованного государства // Генезис и развитие феодализма в России: Проблемы историографии. Л., 1983. С. 108–109.

Шапиро А. Л. Русское крестьянство перед закрепощением (XIV–XVI вв.) П., 1987. С. 195–201.

Там же. С. 186.

подвергнуты ретроспективному исследованию; задача была ограничена, главным образом, изучением процессов закрепощения в конце XVI в.

Итоговой для отечественной историографии работой по истории крестьян в эпоху, предшествующую закрепощению, и в период крепостного права стала книга Л. В. Милова, в которой были синтезированы предшествующие исследования автора. В данном случае мы рассматриваем лишь вторую главу монографии, где анализируется проблема происхождения крепостничества. Согласно представлениям Л. В. Милова, социальные отношения в русской деревне XV в. определялись «объективной потребностью укрепления феодальной собственности на землю и полновластного господства над земледельческим трудом крестьян»²¹. Эти обстоятельства оказывали влияние на эволюцию формуляра жалованных грамот, в частности, на объем льгот, предоставляемых пришлым крестьянам. По мнению Милова, «резкое уменьшение льготных сроков для пришлых старожилов» имело своей задачей четкое обозначение факта полного отчуждения у них старых мест феодалом, конец иллюзиям бывших исконных жителей на право владения «старыми местами».

«У обычных новопоселенцев, пришедших из иных княжений, таких иллюзий не было, они садились на чужую для них землю, и пришли специально на льготу...». Л. В. Милов считает также, что круг крестьян-льготчиков, перезымаемых от владельца к владельцу, не ограничивался числом пришедших из «иных княжений» в буквальном смысле этого слова, а охватывал территории частновладельческих вотчин — княжеских бояр и монастырей²². Таким образом, по мнению Милова, именно борьба за землю между государством, феодалами и черносошными волостями приводила к первым закрепостительным мероприятиям.

Подводя итоги обсуждения проблемы крестьянских переходов в отечественной исторической науке, следует заметить, что на данный момент существует достаточно широкий спектр мнений относительно права крестьянских переходов в XV в. Запрет переходов крестьян трактуется: 1) как общерусская норма для всех категорий крестьян (Л. В. Черепнин, А. Д. Горский); 2) как локально ограниченная норма для всех категорий крестьян (Ю. Г. Алексеев, А. Л. Шапиро); 3) как общерусская норма для отдельных категорий крестьян (Б. Д. Греков); 4) как локально ограниченная норма для отдельных категорий крестьян (И. И. Смирнов). Безусловно, в отечественной историографии была проделана огромная работа по публикации и интерпретации источников, но в концептуальном осмыслении проблемы историческая наука после начала 1960-х годов продвинулась недалеко.

²¹ Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 478—479.

²² Милов Л. В. 1) О причинах возникновения крепостничества в России // ИСССР. 1985. № 3. С. 186—187; 2) Великорусский пахарь... С. 446, 448.

Глубинной причиной этого является позитивистская методология, неявно господствующая в нашей исторической науке. Коренным пороком позитивистской историографии является стремление создать непротиворечивую эволюционную картину, в которой на первом месте стоит государство-демиург, играющее революционную роль. Отсюда проистекают многочисленные попытки построения умозрительных схем исторического процесса — схем вполне логичных, но расходящихся с фактами. На самом деле, все, что в силах сделать историк, — попытаться создать источниковедчески непротиворечивую основу для умозаключений. Концепция должна быть лишена противоречий лишь в аналитическом плане, в самой же картине исторического процесса могут содержаться и противоречия, объясненные исследователем и встроенные в схему. Серьезным недостатком в исследованиях аграрного строя России является игнорирование широкого социально-политического контекста. Несмотря на декларируемое положение об объединении земель как главной движущей силе аграрной эволюции, до последнего времени попытки раскрыть взаимовлияние этих процессов не были убедительными.

Данная работа представляет собой попытку синтеза источниковедения и теоретического исследования. Источниковую базу нашей работы составили акты и своды законов XV—XVI вв. — жалованные грамоты, Судебники 1497 и 1550 гг., порядные записи. Без понимания особенностей актового и писцового делопроизводства невозможно анализировать терминологию грамот и кадастров. В исследовании права мы стремимся изучить его не как набор норм, формулируемых государством, а как обычно-правовую систему, формировавшуюся на протяжении столетий и вошедшую в качестве составной части в систему государственного права.

Анализ актов, регулирующих крестьянские переходы, целесообразно вести по фондовому и территориальному признакам. Таким образом, грамоты можно разделить на две группы: акты Троице-Сергиева монастыря, относящиеся к волжско-клязьменскому региону, и акты Кирилло-Белозерского и Ферапонтова монастырей, относящиеся к белозерско-вологодскому региону. Кирилло-белозерские и ферапонтовские грамоты в силу их специфики, связанной с объектом регулирования (крестьяне-серебренники), мы не рассматриваем.

Впервые ограничения крестьянского выхода для всех категорий сельского населения документально фиксируются в четырех грамотах из архива Троице-Сергиева монастыря: грамоте 1455—1462 гг. с предоставлением монастырю права не выпускать крестьян-старожильцев из села Присеки Бежецкого Верха, грамоте 1455—1462 гг. о запрещении выхода «людей» из монастырских сел Угличского уезда, грамоте наме-

стнику в Ярославль 1463—1468 гг. об отказе монастырских крестьян «о Юрьеве дни», окружной грамоте наместникам 1467—1474 гг. о возвращении монастырских крестьян, вышедших из Шухобальских сел Суздальского уезда²³. В интерпретации формул этих актов решающее значение имеет позиция исследователя в вопросе о репрезентативности грамот о запрете переходов. И. И. Смирнов, И. Я. Фроянов, Ю. Г. Алексеев и А. Л. Шапиро полагают, что подобные акты выдавались в порядке исключения: или в силу влиятельности Троице-Сергиева монастыря, или по причине чрезвычайных обстоятельств.

Подобный подход представляется небесспорным. Источниковая база для столь ответственных выводов явно недостаточна, поскольку жалованные льготные грамоты выдавались не только монастырям, но и светским лицам, чьи архивы сохранились фрагментарно. Не может считаться верной источниковедческой посылкой и рассмотрение всех противоречащих концепции документов как исключений из правила²⁴. Оба уникальных документа о запрещении выхода крестьянам, которые И. Я. Фроянов трактует как исключения, происходят из хорошо сохранившегося фонда Троице-Сергиева монастыря.

Если учесть, что документальные фонды других монастырей сохранились фрагментарно, а указные грамоты не были связаны с земельными пожалованиями, нет ничего странного в том, что подобные документы из фондов других монастырей не сохранились. Гораздо более целесообразным нам кажется все же допустить вероятность утраты аналогичных документов из фондов других монастырей. В таком случае цель исследования должна заключаться в поиске определенных закономерностей в происхождении подобных документов. В связи с этим необходимо решить две задачи: во-первых, исследовать состояние землевладения и статус владений, получивших грамоты и, во-вторых, изучить характер действия указных грамот и других княжеских актов.

Начнем с изучения статуса территорий, к которым относятся указные грамоты. Первый из анализируемых актов — жалованная грамота великого князя Василия II игумену Троице-Сергиева монастыря Васьяну — датирован издателями 1455—1462 гг., и относится к монастырскому селу Присеки с деревнями в Бежецком Верхе²⁵. История землевладения Бежецкого Верха в последнее время стала объектом исследования А. С. Дворникова, который сомневается в справедливости вывода о статусе Бежецкого Верха как совместного владения Новгорода и Москвы. Однако в работах А. С. Дворникова содержатся данные лишь о росте

²³ АСЭИ. Т. 1. М., 1952. № 264, 265. С. 192; № 338. С. 245; № 359. С. 263—264.

²⁴ Фроянов И. Я. О крестьянских переходах в России XIV—XV вв. // Вестник ЛГУ. 1979. № 14. Вып. 3. С. 20—25.

²⁵ АСЭИ. Т. 1. № 264.

московского землевладения на этой территории²⁶, что само по себе еще не говорит об «оккупации» Бежецкого Верха Москвой и его исключительно московской принадлежности на протяжении XV в.

Исследование В. Л. Янина о системе совместных владений Новгорода и Великого княжества Литовского на южной новгородской границе выявило, что на ряде территорий могли чересполосно находиться владения подданных обоих государств²⁷. Аналогичная система имела место и в Бежецком Верхе, который управлялся московскими наместниками в полном соответствии с новгородско-московскими договорами XIV–XV вв. В междукняжеских договорах особый статус Бежецкого Верха всегда оговаривался, как, например, в договоре Василия II с галицкими князьями: «А Бежицький вы Верх держати по старине с Новым городом»²⁸. Конечно, приобретения московских князей и их подданных в Бежецком Верхе нарушали статьи княжеско-вечевых «докончаний», но шли вполне в русле московской политики.

Гораздо большее значение для исследования этой проблемы имеют особенности статуса феодальных владений, отразившиеся в договорах между князьями московского дома. В 1433 г. Бежецкий Верх был передан «в вотчину и в удел» галицкого князя Юрия Дмитриевича, а после его смерти оказался во владении его сыновей Дмитрия Шемяки и Дмитрия Красного. В договоре 1433 г. было указано, что Бежецкий Верх переходит Юрию «с путми, и с селы, и с слободами», права владения на которые галицкий князь мог пересмотреть: «А у кого будут в Бежицком Версе грамоты жаловальные отца моего, великого князя, или мои, оу бояр, или на слободы, или оу иного оу кого, и в тех грамотах волены ты, брат мой, князь Юрьи Дмитриевич, кого как хочешь жаловати»²⁹. В договоре 1434 г. князь Василий II, оставляя за собой ряд волостей и сел (Шачебал, Ликург, Андму, Алабузино, Еско, Новоселки) принимал обязательство «...во Алабузино, и в Еско, и в Новоселки из Бежицкого Верха даньных людей не примати...»³⁰.

Владельческую историю с. Присеки в середине XV в. изучил С. М. Каштанов, опубликовавший судные списки 1438–1440 и 1470-х годов³¹. В 1438–1440 гг. князь Дмитрий Красный купил с. Присеки

²⁶ Дворников А. С. 1) Новгородско-московские отношения и Бежецкий Верх в XV в. // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Вып. 9. Новгород, 1995. С. 253–262; 2) К вопросу об эволюции землевладения в центральной части Бежецкого Верха в XV в. // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Вып. 10. Новгород, 1996. С. 207–215.

²⁷ Янин В. Л. Новгород и Литва: Пограничные ситуации XIII–XV вв. М., 1998. С. 151–152.

²⁸ ДДГ. М.; Л., 1950. № 34. С. 88.

²⁹ Там же. № 30. С. 78–79.

³⁰ Там же. № 34. С. 87–88.

³¹ Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 348–350, 387–389.

у матери своего погибшего вассала Фетиньи, а в период между 22 сентября и 5 декабря 1440 г. Дмитрий Шемяка передал село по душе брата Троице-Сергиеву монастырю³². 5 декабря 1440 г. Дмитрий Шемяка выдал игумену Троицы жалованную несудимую грамоту на с. Присеки, где содержалась формула, аналогичная обязательству Василия II из договора 1434 г.: «А Бежицкого Верха людей игумену или его приказнику в ту слободу к себе не приимати»³³. Положение о запрете приема черных людей «в слободу» сохранилось в жалованных несудимых грамотах на Присеки, выданных Василием II в 1441 г. и Иваном Можайским в 1446 г.³⁴

Кроме судебного иммунитета троицкое владение обладало и податным — в 1440–1445 гг. великий князь Василий II выдал на село Присеки тарханную грамоту, освобождавшую его население от всех налогов: «...им не надобеть моя дань, ни ям, ни пицця белка, ни побережное, ни мыт, ни тамга, ни всякие пошлыны платить нигде во всем моем великом княженье»³⁵. Село Присеки было освобождено и от натуральных повинностей, что следует из грамоты 1470–х годов Андрея Угличского³⁶. Таким образом, в 1440–1446 гг., и, скорее всего, до 1470–х годов, которыми датируется судный список угличского князя Андрея³⁷, село Присеки имело статус монастырской слободы, полностью обособленной в административном и тяглом отношении от других волостей Бежецкого Верха. Судя по договорным грамотам между князьями московского дома, а также с Новгородом, на территории Бежецкого Верха было немало слобод, принадлежавших и подчиненных разным владельцам.

Второй акт — жалованная грамота Василия II 1455–1462 гг. — относится к троицким селам в Углицком уезде³⁸. В акте не указано, к каким владениям применено запрещение выхода, но, скорее всего, это волости и села, перечисленные в более ранней грамоте Дмитрия Шемяки 1434–1447 гг.: «Что их села и с деревнями в моей вотчине на Оулече в Кинеле Оудинское и з деревнями, да Здвиженское з деревнями, да во Кью Перетержское с пустошми, а в Городском стану деревни — Богоявленская деревня, Баскача деревня, Шулгиньская деревня, Репоховский две пустоши, дают мне с тех сел и з деревень оброком в мою казну на всякой год на Рожество Христово по три рубли». Оброк был единственным видом тягла, положенного на троицкие села: «...А oprичь того оброка не надобе им моя дань никоторая, ни писчая белка, ни ям,

³² АСЭИ. Т. 1. № 164. С. 120.

³³ Там же. № 165. С. 121.

³⁴ Там же. № 170. С. 123–124; № 179. С. 129–130.

³⁵ Там же. № 166. С. 122.

³⁶ Там же. № 473. С. 358–359.

³⁷ Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. С. 387–389.

³⁸ АСЭИ. Т. 1. № 265. С. 192.

ни подвода, ни мыт, ни тамга, ни восминичее, ни клетки, ни иная никоторая пошлина, опричь того дела, коли оучнут город рубити, и им делати же; ни двора моего не ставити, ни коня не кормити, ни закос им не надобе, ни к дворскому, ни к сотнику не надобе им тянути ни во что»³⁹.

Угличский уезд, граничивший с Бежецким Верхом, также изобиловал слободами, о чем свидетельствует жалованная грамота удельного князя Андрея Углицкому монастырю на устройство слободы на Волге в 1475/76 г.⁴⁰ Две слободы на окраине Углича, «старая» и новая, упоминаются в жалованной грамоте Покровскому монастырю 1534 г.⁴¹ Слободы ставили и тверские монастыри на «углицком рубеже», как, например, Калязин монастырь в 1483 г.⁴²

Третий акт относится к троицкому селу Шухобалово в Суздальском уезде, которое было пожаловано Троице-Сергиеву монастырю можайским князем Иваном Андреевичем в 1442 г. Грамота содержала формулу об освобождении перезванных «из иных княжений» людей от дани, яма, подвод и других пошлин «впрок»⁴³. В 1448/49 г. монастырь получил на с. Шухобалово тарханно-несудимую и оброчную грамоту Василия II, по которой характер льгот изменился. Теперь не только пришлые, но и старожильцы освобождались бессрочно от дани и яма, которые заменились оброком в 1,5 рубля: «А писцы мои и данщики тех людей в мою дань не пишут, ни дани на них не емлют»⁴⁴.

В 1462–1466 гг. монастырь получил заповедную грамоту на свои суздальские владения: «Что их села в Суздальском Шухобал, Богдановское, Микулское, Дръчаево, Мукино, и кто у них в тех селех живет людей, — к тем людям к монастырским в пиры и в братчины незваны не ходят, ни людей моих, великого князя, ни моей матери, великого князя, ни боярские люди, ни ночлегов не чинят»⁴⁵. Слободы великого князя и бояр в округах Суздаля и Юрьева упоминались в окружной грамоте Ивана III 1467–1474 гг.⁴⁶

Вторая задача при исследовании отказа заключается в изучении характера действия указных грамот XV в. Перейдем к рассмотрению грамот об ограничении крестьянского выхода. Грамота на с. Присеки в Бежецком Верху 1455–1462 гг. принадлежит к категории указных (заповедных), а ее основная часть состоит из двух статей. В первой

³⁹ АСЭИ. Т. 1. № 115. С. 91–92.

⁴⁰ АСЭИ. Т. 3. М., 1964. № 77. С. 110.

⁴¹ Антонов А. В., Баранов К. В. Акты XV–XVI в. из архивов русских монастырей и церквей // РД. Вып. 1. М., 1998. С. 25.

⁴² АСЭИ. Т. 3. № 158. С. 174.

⁴³ АСЭИ. Т. 1. № 171. С. 124.

⁴⁴ Там же. № 221. С. 156.

⁴⁵ Там же. № 315. С. 225.

⁴⁶ Там же. № 359. С. 263.

статье бежецким наместникам, тиунам, доводчикам и боярским людям запрещается приезжать на пиры к монастырским людям. Эта клаузула не является уникальной для русской дипломатики и представлена как в виде отдельных актов, так и в виде статей иммунитетных грамот. Во второй статье содержится запрет отказа крестьян-старожильцев из монастырского села: «...Которово их хрестьянина ис того села и из деревень кто к собе откажот, а их старожилца, и яз, князь велики, тех хрестьян ис Присек и из деревень не велел выпущати ни х кому»⁴⁷.

Грамота на села в Угличском уезде 1455—1462 гг. также является указной (заповедной): «Что их села в Оуглечьском оуезде, и которые люди от них вышли из их сел в мои села, великого князя, или в села моее великое княгыни и в боярские села сего лета, не хотя ехати на мою службу, великого князя, к берегу, и яз, князь велики, пожаловал игумена Васыана з братьею, велел есмь те люди вывести опять назад. А которые люди живут в их селах нынеча, и яз, князь велики, тех людей не велел пушати прочь. А надобен будет пристав посельскому монастырскому, и он емлет пристава оу моего наместника оу оуглечского на те люди, которые от них вышли»⁴⁸.

Грамота Ивана III 1467—1474 гг. относится к категории окружных и адресована наместникам Суздаля и Юрьева, а также княжеским и боярским посельским. Грамота открывается изложением обстоятельств дела и завершается распоряжением: «...из их сел из монастырских из Шухобалских вышли хрестыане сее зимы о Зборе. И яз, князь велики, дал есмь пристава... велел есмь их вывести. И где пристав мой их наедет в моих селех или в слободах, или в боярьских селех и в слободках, и присгав мой тех их хрестыан монастырских опять выведет в их села Шухобалские, да посадит их по старым местом, где хто жил, до Юрьева дни до осеннего»⁴⁹.

Грамота с прочетом Ивана III 1463—1468 гг. адресована ярославскому наместнику, волостелям, а также тиунам и «заказникам» троицкой вотчины. Грамота содержит изложение обстоятельств дела и предписание отказывать «монастырских людей» из села Федоровского в «вотчину» великого князя исключительно в течение двух недель в Юрьев день. Перекликающееся с предыдущими грамотами распоряжение-санкция о выводе крестьян в монастырскую вотчину гласит: «А хотя хто у них и откажется не о Юрьеве дни, и яз им того вывести велел назад»⁵⁰.

Заповедные и указные грамоты 1450—1470-х годов являлись актами индивидуальных княжеских пожалований конкретному адресату — Троице-Сергиеву монастырю. Основной вопрос, стоящий перед иссле-

⁴⁷ АСЭИ. Т. 1. № 264. С. 192.

⁴⁸ Там же. № 265. С. 192.

⁴⁹ Там же. № 359. С. 263.

⁵⁰ Там же. № 338. С. 245.

дователем, состоит в следующем: появились ли эти грамоты как результат существования некоего общерусского закона, или норма о запрете и ограничении переходов была впервые сформулирована именно в этих грамотах? Существенная черта всех четырех грамот состоит в их неустойчившейся терминологии.

По-разному в актах называется объект правоприменения: в бежецкой грамоте речь идет о крестьянах-старожильцах, в суздальской — о крестьянах безотносительно к их статусу, в угличской и ярославской — о «людях». По-разному в грамотах охарактеризованы действия крестьян: в бежецкой и ярославской грамотах их «отказывают», в угличской и суздальской они «выходят» из монастырских сел. Наконец, Троице-Сергиев монастырь, если судить по грамотам, получил разный объем прав для регулирования отношений со своими крестьянами. Крестьян бежецкой и угличской вотчины было предписано «не ... выпущати ни х кому» и «не ... пушати прочь» вообще, а уже вышедших из угличских сел — «вывести опять назад». Суздальских и ярославских крестьян было предписано «выводить назад» и «сажать по старым местам» лишь в том случае, если они выйдут или откажутся «не о Юрьеве дни».

Возникает несколько закономерных вопросов: какие категории вотчинного населения имеют в виду акты, какие действия крестьян подлежат пресечению (уход или отказ) и в какое время года (вообще или не в Юрьев день)? Прежде всего, проанализируем употребление терминов «старожильцы» в бежецкой грамоте. И. И. Смирнов и И. Я. Фроянов справедливо подчеркивают относительность понятия «старожильства» в жалованных грамотах. Старожильцы не были замкнутой категорией «с неповторимыми, специфическими чертами» и, тем более, особой группой зависимого крестьянства⁵¹. Понятие «старожилец» имело смысл лишь по отношению к конкретному владению, и отсюда понятен оборот жалованной грамоты — «их старожильца». Монастырским старожильцем считался, во-первых, крестьянин, извечно живший на территории вотчины, и, во-вторых, пришлый крестьянин, который или ранее жил на территории вотчины, или, придя извне вотчины, успел «застареть», отжив предоставленные монастырем льготные годы. В XV в. только пришлый крестьянин, живущий на льготе и не «выживший» льготных лет, не подпадал под категорию «старожильца», и только этого крестьянина можно было отказывать из бежецкой вотчины Троице-Сергиева монастыря. Под «людьми» и крестьянами трех других грамот, видимо, следует понимать все население вотчины, в том числе, и живущих на льготе новоприходцев.

Различались ли в княжеских пожалованиях по существу «отказ» крестьян кем-либо и их «выход»? Глагол «вышли» в троицких актах

⁵¹ Смирнов И. И. Заметки о феодальной Руси XIV—XV вв. // ИСССР. 1962. № 2. С. 154—161; Фроянов И. Я. Старожильцы на Руси XV в. С. 20—26.

использовался для констатации свершившегося факта ухода крестьян. Наоборот, глагол «откажут», «откажется» употреблялся для обозначения предполагаемого действия, которое могло бы совершиться в будущем. Причем, использование этих терминов не было связано с Юрьевым днем: «отказ» мог иметь место и в Юрьев день, как в ярославской вотчине, и в любое другое время, как в бежецкой. По всей видимости, понятия «выход» и «отказ» выступали как синонимы, обозначая переход крестьян либо как свершившийся, либо как возможный факт.

И, наконец, ключевое значение имеет вопрос о Юрьеве дне. Л. В. Черепнин и А. Д. Горский были склонны полагать, что единый срок переходов в Юрьев день осенний установил великий московский князь. И. И. Смирнов, И. Я. Фроянов и Ю. Г. Алексеев трактуют закон о Юрьеве дне как возникший на основе «природного календаря» и «выросший из старого обычая». С. Н. Кистерев, возражая против такой трактовки, привел факты отказа крестьян на Рождество, Петров день и их ухода «о Зборе»⁵². Не вызывает сомнений, что на Руси на протяжении столетий складывались традиционные сроки отказа; весьма вероятно также и то, что эти сроки определялись земледельческим календарем.

Однако нет никаких данных, подтверждающих то, что в качестве такого срока выступал именно Юрьев день. Крестьяне Шухобальских сел в 1467–1474 гг. вышли «о Зборе». «Зборное» или Соборное воскресенье Великого поста могло передвигаться в пределах периода с 8 февраля по 14 марта. Это время конца зимы использовалось как срок крестьянских переходов и в западнорусских землях; именно в таком качестве Соборное воскресенье оказалось зафиксировано в постановлении витебских землевладельцев 8 января 1531 г. «А мают люди от нас ити прочь о Зборе, або до Збора, а который человек до Збора, або о Зборе чолом не вдарит, тот мает человек за тым господарем своим до того жу году быть»⁵³.

Неустоявшаяся терминология, отсутствие единой формы акта о запрете переходов говорят, скорее, о том, что указные и окружные грамоты Троице-Сергиеву монастырю, регламентировавшие порядок крестьянских переходов, были актами индивидуального княжеского пожалования, осуществленного по челобитью монастыря. «Бил ми челом игумен троецкой Сергеева монастыря з братьею о том, что деи у них отказываете люди в мою вотчину в Ярославль межи Юрьева дни...»; «бил ми челом игумен троецкой Сергеева монастыря Спиридонеи, а скаывает, что деи из их сел из монастырских из Шухобалских вышли хрестыяне сее зимы о Зборе...»⁵⁴. Юрьев день как срок крестьянского

⁵² Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III: традиция и реформа. СПб., 2001. С. 361, 364; Кистерев С. Н. Исследование Ю. Г. Алексеева о Судебнике 1497 г. // ОФР. Вып. 6. М., 2002. С. 257.

⁵³ Беларускі архіу. Т. 2. Менск, 1928. № 72. С. 47–49.

⁵⁴ АСЭИ. Т. 1. № 338. С. 245; № 359. С. 263.

отказа, возможно, практиковался в монастырских вотчинах, но не повсеместно. Если Юрьев день и был нормой обычного права, то одной из многих, бытовавших на Руси; его появление в великокняжеских грамотах было актом волеизъявления государственной власти. Насажение Юрьева дня как общеобязательного срока крестьянского отказа даже в пределах троицких вотчин превращало его из обычноправовой нормы в письменно фиксированный закон.

Еще одна существенная черта актов — декларируемое в них право на «вывод», возвращение вышедших крестьян, причем в двух упоминается пристав, назначенный для исполнения этого предписания. Таким образом, в актах 1450-х — 1470-х годов власть не только продекларировала общие нормы, но и обозначила механизм их реализации. Однако означало ли введение этих норм запрет крестьянских переходов?

Для верного понимания актов 1455—1462 гг. о крестьянских переходах нам представляется важным привлечь более поздние материалы. Мы имеем в виду уставную наместничью грамоту Моревской слободе 1530 г. Уставная грамота слободчикам-солеварам Моревской волости дошла до нас в дефектном виде. По сохранившимся фрагментам можно понять, что Моревская слобода получала податную, судебную и административную автономию. В руках слободчиков сосредоточивались все судебные дела, помимо «душегубства и разбоя с поличным», право взимания конского пятна, приема должников с условием пятилетней рассрочки в долгах и их беспроцентной выплаты, запрета постоя ратных людей и ездовых. Преамбула документа не сохранилась, и грамота открывается неполным предложением, содержащим норму о вывозе тяглеца из слободы: «...тяглой через сию мою грамоту, а слободчики его примут к Соле жити, и мне того велети опять назад отвезти, к той Соли, от которой к ним придет, а на слободчикех мне велети взяти заповеди десять рублей московскую»⁵⁵.

В отечественной историографии только М. А. Дьяконов логично построил этот документ в свою концепцию, усмотрев в нем доказательство запрета на прием тяглых людей вообще⁵⁶. Б. Д. Греков также писал о «прикреплении крестьян» Моревской слободы, хотя этот вывод противоречил его концепции свободы перехода тяглых крестьян по Судебникам⁵⁷. Лишь С. Б. Веселовский рассматривал этот акт не как свидетельство «прикрепления», а как привилегию, имеющую «в виду облегчить слобожанам привлечение к себе новых членов»⁵⁸. В особенно-

⁵⁵ Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства. М., 1909. № 6. С. 13.

⁵⁶ Дьяконов М. А. Очерки из истории сельского населения... С. 2.

⁵⁷ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси. Т. 2. С. 284.

⁵⁸ Веселовский С. Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978. С. 16.

стях слободского права и следует искать объяснение уникальной нормы Моревской грамоты.

Правовое положение населения слобод XV–XVI вв. заслуживает отдельного исследования. Слободы (иногда без употребления термина) упоминаются во многих грамотах из архива Троице-Сергиева монастыря⁵⁹, Кириллова Белоозерского монастыря⁶⁰, других духовных корпораций и органов государственной власти⁶¹. В отечественной историографии имеется единственная попытка исследования истории слобод удельного времени, предпринятая С. Б. Веселовским⁶². В незавершенной статье 1920-х годов «Исследования по истории слобод в Северо-Восточной Руси» ученый привел примеры монастырских слобод, которые были пожалованы монастырям князьями. Такие слободы располагались в Юрьеве, Переяславле, Угличе, Белоозере и Вологде, однако сам тип монастырской слободки Веселовский не выделил и не изучил.

Исследователь, тем не менее, верно определил характер слободы как «неустойчивой формы поселения», которое могло менять владельцев и лишаться особых привилегий. «...Уездные слободки с течением времени растворяются в окружающей их среде и входят в состав уездных тягло-административных делений»⁶³. Слободское право в своих основных чертах сложилось одновременно с правом других иммунитетов, и не случайно сходство иммунитетного пожалования слободам и монастырям. Именно этим обстоятельством Веселовский объяснял тот факт, что «в жалованных грамотах монастырям их иммунитетное владение иногда называется слободой», и в частности, слободой в актах названо село Присеки⁶⁴. Нам думается, что безразличие княжеских дьяков к терминологии могло найти выражение и в другом случае, когда монастырская слободка называлась селом. Видимо, такая замена термина произошла в отношении слободки в Присеках, когда в жалованной заповедной грамоте 1455–1462 гг. она была названа селом.

Право, предоставлявшееся слободчанам, выводить своих тяглецов из других слободок и монастырей, давалось не просто общине в целом. Всякое пожалование в эпоху феодализма носило не анонимный, а вполне адресный характер. С. Б. Веселовский, анализируя грамоты монастырям и служилым людям, писал: «Все грамоты, начиная

⁵⁹ АСЭИ. Т. 1. № 133, 164, 165, 170, 264, 265, 315, 316, 327, 338, 354, 357, 359, 399.

⁶⁰ АСЭИ. Т. 2. № 69, 88, 106, 108, 110, 121, 138, 161, 170, 174, 176, 182, 183, 201, 221, 222, 240, 286, 288, 290.

⁶¹ АСЭИ. Т. 3. № 16, 34, 69, 73, 74, 77, 118, 119, 158, 172, 186, 196, 269.

⁶² Веселовский С. Б. 1) Труды по источниковедению и истории России... С. 7–33; 2) К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926. С. 73–84.

⁶³ Веселовский С. Б. К вопросу о происхождении вотчинного режима. С. 76.

⁶⁴ Веселовский С. Б. Труды по источниковедению и истории России... С. 26.

древнейших, имеют определенно выраженный личный характер»⁶⁵. Личный характер фактически имели и пожалования слободчикам, посадским и черносошным мирам. Во всех жалованных грамотах слободам перечисляются ответственные налогоплательщики, которые наделяются правом принимать или не принимать тяглицев.

В грамоте солеварам Моревы перечислены семь слободчиков, а имя которых была дана грамота, в том числе священник слободской еркви⁶⁶. Посадский, черносошный или слободской мир, таким образом, не был гомогенным образованием, и проблема ухода льготчиков и новоприходцев затрагивала в первую очередь интересы ответственных налогоплательщиков. Далекое не случайно то, что указные и уставные грамоты с запретом переходов выдавались на вотчины тех территорий, землевладение которых отличалось большой нестротой и на которых княжеская власть вела активную колонизационную политику. Бежецкий Верх, Углич, Суздаль как раз и отличались изобилием слобод, представлявшихся князьями и другими землевладельцами. В целях предотвращения интенсивных миграций крестьян монастыри добивались соответствующих пожалований и реализовывали их по мере сил. Можно ли рассматривать право вывода тяглицев, жалуемое князем монастырю или слободе, как свидетельство прикрепления крестьян и жителей промысловых слобод?

Если бы удалось доказать, что бежецкая и углицкая грамоты 1455–1462 гг. сохраняли свое действие, например, до принятия Судебника 1497 г., это было бы равнозначно признанию факта частичного закрепощения вотчинных крестьян. Однако наличный материал свидетельствует о том, что такого рода запреты носили временный характер. В 1451 г. великий князь Василий II выдал тарханно-несудимую грамоту Спасо-Евфимьеву монастырю на монастырь Святого Василия в Нижегородском княжестве. По вступлении на трон Ивана III грамота была утверждена вторично, причем с любопытной ремаркой: «По отца своего грамоте великого князя князь великий Иван Васильевич пожаловал спасьского архимандрита Исакиа з братьею, — грамоты сея рушити не велел, опроче дани и оброка, доколе писец князя великого опишет»⁶⁷. Аналогичное положение содержалось в грамоте с прочетом, выданной Иваном III Кирилло-Белозерскому монастырю в 1487 г. после смерти удельного князя Михаила Андреевича: «Чтобы есте у Кирилова монастыря у игумена у Венедикта з братьею княжих Михайловых Андреевича грамот жаловальных не рушити ничем до описи, доколе писцы наши отпишут нашу отчину Белоозеро»⁶⁸.

⁶⁵ Веселовский С. Б. К вопросу о происхождении вотчинного режима. С. 26.

⁶⁶ Наместничьи, губные и земские уставные грамоты... № 6. С. 15.

⁶⁷ АСЭИ. Т. 2. № 452. С. 492.

⁶⁸ Там же. № 274. С. 184.

В науке хорошо известна практика переутверждения жалованных грамот во время смены монарха. Понятно, что новый великий князь мог и не утвердить пожалованный прежним сувереном тархан или судебный иммунитет. Это право в особых случаях оговаривалось в договорных грамотах, как, например, в докончании Василия II с Юрием Галицким 1433 г.: «А у кого будут в Бежиском Версе грамоты жаловальные отца моего, великого князя, или мои, оу бояр, или на слободы, или оу иного оу кого, и в тех грамотах волен ты, брат мои, князь Юрьи Дмитриевич, кого как хочешь жаловати»⁶⁹. Бежецкий Верх и Углич по духовной Василия II оказались в уделе Андрея Большого, и маргинальное положение этих территорий отнюдь не способствовало стабильности земле-владения.

Однако в литературе обращалось мало внимания на связь между длительностью действия жалованных грамот и писцовыми описаниями. Судя по указаниям актов, писцы проводили проверку прав землевладельцев по жалованным грамотам и могли инициировать как прекращение действия грамот, так и выдачу новых актов⁷⁰. В духовной Василия II 1461/62 г. великий князь завещал провести описание земель: «А как почнут дети мои жити по своим уделом, и моя княгини и мой сын Иван, и мои сын Юрьи, и мои дети пошлют писцов, да уделы свои писцы их опишут по крестному целованью...»⁷¹. Описание начала 1460-х годов, судя по отрывочным данным, состоялось⁷². У нас нет сведений о переутверждении указных грамот о запрете переходов в это время, и не будет слишком смелым предположить, что после переписи 1460-х годов нормы о неопуске крестьян-старожильцев и людей из вотчин Троице-Сергиева монастыря утратили свое действие.

Однако проблема Юрьева дня этим суждением не исчерпывается. Не менее важно выяснить, как соотносилось правовое положение крестьян, проживавших на землях, имевших разный владельческий статус. А. Д. Горский, проанализировав формулу грамот, содержащую запрет феодалам принимать на свои земли тяглых людей с княжеских земель, сделал правомерный вывод об ограничении перехода черных крестьян с черных земель на владельческие. Конечный вывод исследователя состоит в том, что норма о Юрьевом дне в равной мере касалась черных и владельческих крестьян, что означало сходство их правового положения⁷³. В данном случае неверная постановка вопроса породила баналь-

⁶⁹ ДДГ. № 30. С. 78–79.

⁷⁰ Кистерев С. Н. Абдыл-Летиф и Мухаммед-Эмин на Руси рубежа XV–XVI столетий // Звенигород за шесть столетий. М., 1998. С. 69–70.

⁷¹ ДДГ. № 61. С. 197.

⁷² Каштанов С. М. Финансы средневековой Руси. М., 1988. С. 32.

⁷³ Горский А. Д. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. М., 1960. С. 127–131.

ный ответ. В действительности сходство положения крестьян разных категорий было внешним. Запрет монастырю отпускать своего тяглеца в государевы села и слободки и выводить оттуда крестьян означал их временное прикрепление. В то же время запрет в отношении черносошных крестьян не ограничивал их свободу в переходах в пределах неотарханенных волостей и боярщин.

Итак, мы проанализировали условия жалованных грамот о неотпуске старожильцев, других категорий сельского населения, возвращении людей из княжеских и боярских сел, о приеме в слободы тяглых, вятных и письменных людей князя. Соотношение между нормой права и реальностью было неоднозначным. Во-первых, очевидно, что в действительности предписания грамот о запрете переходов для определенных категорий людей постоянно нарушались. Во-вторых, запреты переходов касались только крестьян, живших во владениях с разным статусом. Власть пыталась поставить барьеры только между владениями трех категорий: отарханенными монастырскими вотчинами с податным иммунитетом, княжескими слободами, всеми остальными владениями (черными волостями, боярскими селами). В-третьих, срок действия жалованных грамот, запрещающих отказ крестьян, был ограничен временем между описаниями. Новое описание, фиксировавшее новых тяглецов, делало излишним ограничения в их переходах. Таким образом, мы определяем норму о запрете перехода крестьян в грамотах 1455—1474 гг. как привилегию, носившую временный характер и не распространяющуюся на все население княжества.

Из вышеизложенного видно, что статьи Судебников 1497 и 1550 гг. о крестьянском отказе не могли быть новой нормой, всецело созданной законодателем. Безусловно, местная законодательная практика XV в., опиравшаяся на обычное право, оказала определяющее влияние на их структуру и содержание. И тем удивительнее, что большинство комментаторов объясняли ключевые положения ст. 57 и 88 без учета этого контекста.

В. И. Сергеевич связал выполнение условий крестьянского отказа с проблемой возвращения в исправности крестьянского двора. Так возникло весьма искусственное объяснение выплаты пожилого. «Составители Судебника отпращивались от той мысли, что не твердый на своем участке крестьянин постоянно разрушает свой двор. Предполагается, что к исходу четвертого года такой крестьянин должен сделать его негодным к употреблению, а потому за четыре года с него и берут всю цену двора»⁷⁴. Такая трактовка статей Судебника не может быть принята не только в силу ее абсурдности, но и по причине ее умозрительности

⁷⁴ Сергеевич В. И. Древности русского права. Т. I. СПб., 1909. С. 270.

и отсутствия связи с указаниями источников. Судя по известным нам порядкам второй половины XVI в., крестьяне возводили дом самостоятельно или с помощью соседей, и, если следовать гипотезе Сергеевича, получается, что размер пожилого возрастал тем больше, чем больше трудился крестьянин над постройками.

Наиболее оригинальную и наименее расходящуюся с фактами трактовку процедуры крестьянского отказа по Судебникам предложил С. Б. Веселовский. По Веселовскому «крестьянская неволя» возникла «на почве податной ответственности землевладельцев за крестьян»⁷⁵. Проанализировав порядок отказа черносошных крестьян XVI–XVII вв., Веселовский реконструировал «исконный обычай», согласно которому «всякий, сидевший на земле, должен был платить все налоги и нести повинности «по хлебу», т.е. все тягли текущего года должен нести тот, кто реализовал урожай этого года». Веселовский объяснил только две нормы сложной процедуры отказа – расчет за повоз и за озимый хлеб, оставшийся «в земле» и считавшимся возможным распространить свои выводы и на рубеж XV–XVI вв. Поскольку в Судебнике 1497 г. об уплате податей по хлебу при отказе ничего не говорится, Веселовскому необходимо было объяснить расхождения между Судебниками. Так появилось бездоказательное и искусственное объяснение: умолчание Судебника 1497 г. о расчете за повоз и за озимый хлеб Веселовский объясняет «не тем, что этого правила не существовало, а тем, что оно было ясно для всех само собой». Судебник 1550 г., по мнению Веселовского, не внес ничего нового в традиционный институт отказа.

Более чем за 100 лет исследования вопроса лишь А. Л. Шапиро попытался изучить условия крестьянского отказа с привлечением других источников – писцовых книг. Автор сопоставил величину «пожилого» со средними размерами владельческих повинностей с крестьянского двора, и пришел к весьма значимому выводу о том, что «в Новгородской земле ... пожилое либо было немногим ниже годовых повинностей, либо равнялось им, либо («в полех») превышало их в 1,5–2 и даже в 3 раза»⁷⁶. Поставив задачу изучения влияния пожилого на переходы крестьян, Шапиро заключил, что до середины XVI в. пожилое в целом компенсировало расходы землевладельцев по обустройству новых крестьян, но во второй половине XVI в. в результате повышения хлебных цен пожилое уже не могло возместить землевладельцам ущерб от переходов.

Таким образом, А. Л. Шапиро показал экономическую необходимость закрепостительных мероприятий конца XVI в. для землевладельцев, но проблема происхождения пожилого ученым решалась традици-

⁷⁵ Веселовский С. Б. Село и деревня Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв. М.; Л., 1936. С. 45.

⁷⁶ Шапиро А. Л. Русское крестьянство перед закрепощением (XIV–XVI вв.) Л., 1987. С. 208, 214.

онно. Он связал разницу в ставке пожилого «в лесех» и «в полях» с трудностями восстановления двора в зависимости от близости леса: «восстановление двора было гораздо легче осуществить, если рядом с усадьбой стоял хоромный лес. В этом случае пришельцу, который сядет на место ушедшего крестьянина, можно будет предоставить меньшую льготу...»⁷⁷. А. Л. Шапиро усматривал «специфически феодальные юридические основания для взимания пожилого» и полагал, что «пожилое являлось возмещением ущерба, который нес землевладелец от временного запустения двора». Право перехода в Юрьев день, таким образом, по мнению А. Л. Шапиро, стало общей нормой именно в силу интересов господствующего класса⁷⁸.

В новейшем исследовании Ю. Г. Алексеева ст. 57 рассматривается как «консервативная по существу законодательная фиксация стародавнего обычая», а отнюдь не «нововведение, связанное с усилением зависимости крестьянина»⁷⁹. Гарантию реализации закона Ю. Г. Алексеев усматривает в существовании рядом с вотчиной черной волости, откуда приходили, и куда уходили вотчинные крестьяне. «Закон о Юрьевом дне, выросший из старого обычая, в известной мере удовлетворял и крестьянина, и землевладельца — он служил естественным клапаном, регулирующим отношения как между вотчиной и волостью, так и внутри самой вотчины, фактически определяя допустимую меру крестьянских повинностей»⁸⁰. Вместе с тем, и Ю. Г. Алексеев рассматривает пожилое только в контексте отношений между крестьянином и вотчинником: выплата пожилого фиксировала факт проживания крестьянина на чужой земле, а фиксация размера пожилого ограничивала произвол землевладельца.

Рассмотрение формулировок ст. 57 Судебника 1497 г. не дает оснований для столь однозначной интерпретации: «А христианом отказыватися из волости, из села в село один срок в году⁸¹, за неделю до Юрьева дни осеннего и неделю после Юрьева дни осеннего. Дворы пожилые платят в полях за двор рубль, а в лесех полтина. А которой христианин поживет за ким год, да поидет прочь, и он платит четверть двора, а два

⁷⁷ Шапиро А. Л. Русское крестьянство... С. 206.

⁷⁸ Там же. С. 204.

⁷⁹ Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III. С. 360, 362.

⁸⁰ Там же. С. 364.

⁸¹ В Судебнике 1550 г. этот оборот конкретизирован: «отказыватися из волости в волость и из села в село». См.: Судебники XV—XVI вв. М.; Л., 1952. С. 27, 172. Принимая во внимание имеющиеся в литературе суждения о неполноте сохранившегося списка Судебника 1497 г., решаемся предположить, что и в его протографе был аналогичный оборот «из волости в волость». См.: Плигузов А. И. О списках Судебника и духовной грамоты Ивана III // Судебник 1497 г. в контексте истории российского и зарубежного права XI—XIX вв. М., 2000. С. 137—148.

года поживет да поидет прочь, и он полдвора платит; а три годы поживет, а поидет прочь, и он платит три четверти двора; а четыре года поживет, и он весь двор платит».

Как понимать оборот «отказ из волости» — как переход крестьянина из одной административной единицы в другую или как уход из волости дворцовой или черносошной? Из источников известны лишь факты отказа крестьян из вотчин и поместий или черносошных волостей как землевладельческих и тяглых единиц. Поэтому я склоняюсь к второму варианту прочтения текста. Стоящий в статье на первом месте оборот «из волости» недвусмысленно свидетельствует о том, что законодатель имел в виду в первую очередь интересы государства, контролировавшего в конце XV в. огромный фонд дворцовых, оброчных и черносошных земель. Такая интерпретация ст. 57 не противоречит имеющимся наблюдениям об аграрной политике Ивана III в конце XV в. на присоединенных новгородских землях, где в результате конфискаций удельный вес дворцовых и оброчных земель достиг 40%⁸². Очевидно, что крестьяне уходили не только от землевладельцев, но и из черносошных и дворцовых волостей, и процедура отказа распространялась на все их категории.

Правительство бдительно следило за соблюдением законности особенно в тех районах, где частновладельческие и государственные земли лежали чересполосно. Об этом свидетельствует царский указ от 5 сентября 1555 г. новгородским дьякам по поводу злоупотреблений помещиков в черносошных деревнях Пусторжевского уезда. В челобитной выборных голов черносошных станов Ржевы Пустой говорилось: «...Дети боярские ржевские и псковские и лутцкие и из иных присудов вывозят за себя во хрестьяне жити наших хрестьян из ржевских ис черных деревень не по сроку по вся дни беспошлинно. А как, деи, изо ржевских и из наших ис черных деревень приедут к ним отказщики с отказом в срок хрестьян из-за них отказывати в наши в черные во ржевские деревни, которые хрестьяне похотят итти жити в те наши в черные деревни, и те, деи, дети боярские... хрестьян, деи, из-за себя не выпускают...». Из данного фрагмента хорошо видно, как проходил отказ крестьян в середине XVI в.: в то время как интересы черных крестьян представляли выбранные волостью «отказщики», помещики отказывали черных крестьян самостоятельно. Очевидно, что и пожилое уходившие крестьяне платили в одном случае черной волости «в столец», в другом случае — землевладельцу. В резолютивной части грамоты дьяки предписали: «...из-за тех детей боярских и из-за земцов в наши черные во Ржевские деревни хрестьян по сроку отказывати. А выход бы есте велели им тем хрестьяном платити по нашему указу»⁸³.

⁸² Аграрная история Северо-Запада России XVI в.: Новгородские пятины. Л., 1974. С. 271.

⁸³ ДАИ. Т. I. СПб., 1846. № 56. С. 120.

Даже в середине XVI в. государство не игнорировало интересы черносошных крестьян.

Таким образом, при исследовании процедуры крестьянского отказа по Судебникам необходимо рассматривать ее не только в связи с борьбой землевладельцев за рабочие руки. Как считает Ю. Г. Алексеев, «эти руки в конце XV в. не были дефицитом и не служили предметом ожесточенной борьбы между феодалами, как стало сто лет спустя»⁸⁴. Закон о Юрьевом дне нужно рассматривать в контексте противостояния черносошных волостей и феодалов. Такой подход позволяет иначе интерпретировать природу пожилого. Поскольку черносошные крестьяне не несли феодальных повинностей, ясно, что сопоставление величины повинностей крестьян в пользу землевладельцев в денежном выражении и пожилого не позволяет раскрыть его происхождение. Крестьян владельческих и черносошных объединяли лишь их обязанности по отношению к государству, и именно в фискальной политике последнего целесообразно искать источник происхождения интересующей нас нормы.

Рассмотрим номенклатуру и размеры государственных податей на материалах Северо-Запада России. Обежная дань, установленная Иваном III после инкорпорации Новгорода, составляла 4,66 московской денги. Ямские денги, впервые упомянутые в жалованных грамотах 1500 г. Федора Борисовича волоцкого Иосифо-Волоколамскому монастырю, в Двинской земле в 1540-х годах взимались в размере 5,7 денег с черносошной обжи, а примет в Бежецкой пятине на рубеже XV—XVI вв. составлял 1,5 денги с обжи. Таким образом, сумма государственных налогов на Северо-Западе не превышала 11,9 московских денег с обжи⁸⁵. Если учесть, что крестьян регулярно привлекали к выполнению натуральных повинностей — ямской, посохи и городского дела, а также, что уровень налогообложения на Северо-Западе мог быть ниже, чем в центре, можно допустить, что в среднем крестьянский двор нес большее налоговое бремя. В 1552 г. на обжу приходилось в среднем 1,25 двора, а в конце XV в. чуть меньше; значит, объем государственных налогов, падавших на рубеже XV—XVI вв. на крестьянский двор, составлял приблизительно 9,5—10 московских денег.

Сопоставим размер государственных налогов и пожилого, взимавшегося со двора. Прожив год в составе волости, крестьянин должен был платить «четверть двора»: «в полах» — 50 денег, а «в лесех» — 25 денег. Сумма пожилого в 2,5 — 5 раз превышала размер тягла в денежном выражении, и, таким образом, пожилое полностью покрывало все траты, которые волость или землевладелец несли для выполнения тягла.

⁸⁴ Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III. С. 364.

⁸⁵ Аграрная история Северо-Запада России XVI в.: Новгородские пятинны. С. 24—27.

Впервые на связь норм Судебников с «податной ответственностью» указал С. Б. Веселовский⁸⁶. Признанный мастер ретроспективного исследования, Веселовский в данном случае ограничился рассмотрением побочных сюжетов — расчетов за повоз и оставленный в земле хлеб. Он упустил из виду распространенное явление — обычай предоставления льготы новым тяглецам. В жалованных грамотах, выдававшихся до середины XV в., как правило, крупным монастырям и вотчинникам предоставлялись льготы в выплате дани с новоприходцев. В литературе считается, что «в большинстве жалованных грамот льготы пришлым крестьянам даются на пятилетний срок»⁸⁷. Это далеко не так; ничуть не меньше распространены льготы на сроки в 3, 6, 7 лет. Известны 66 жалованных грамот конца XIV—XV вв., в которых льгота в выплате податей для новоприходцев и иногда старожильцев варьирует от 1 года до 30 лет.

За 1480-е гг. известны всего три таких акта, причем один был выдан тверским князем накануне утраты суверенитета, второй — верейским и белозерским князем Михаилом всего на 3 года, и лишь акт 1486 г. был выдан правительством Ивана III⁸⁸. По мнению С. М. Каштанова, «с 1491 г., после ликвидации последнего крупного удела — Углицкого, правительство Ивана III прекращает предоставление податных освобождений как светским, так и духовным феодалам»⁸⁹. Податные привилегии черным и частновладельческим слободам предоставлялись также в виде исключения, как, например, окольниковому Сатину на слободку в Вяземском уезде в 1504 г.; причем льгота распространялась лишь на людей, призванных «из-за рубежа из-за литовского»⁹⁰. Изменения в финансовой политике должны были оказывать большое влияние на форму крестьянского отказа.

Во владениях, не обладавших податным иммунитетом, вотчинник часто предоставлял льготу новоприходцам. Сошный оклад волости или боярщины оставался неизменным от описания к описанию, и часть новоприходцев включались в тягло как дополнительная и неучтенная государством сила. Но если приходец в конце XV в. появлялся в вотчине или волости за 1—3 года до описания, он оказывался зафиксированным в писцовой книге, и сошный оклад податной единицы возрастал. В результате, волости и землевладельцы были вынуждены платить налоги и за запустевшие после ухода крестьян участки, и за пустоши,

⁸⁶ Веселовский С. Б. Село и деревня Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. С. 45.

⁸⁷ Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III. С. 363.

⁸⁸ АСЭИ. Т. 2. № 158. С. 174; № 397. С. 402—403; Т. 3. № 106. С. 144.

⁸⁹ Флоря Б. Н. Эволюция податного иммунитета светских феодалов России во второй половине XV — первой половине XVI в. // ИСССР. 1972. № 1. С. 68—70; Каштанов С. М. Финансы средневековой Руси. М., 1988. С. 20.

⁹⁰ АСЭИ. Т. 3. № 186. С. 200.

осваиваемые новоприходцами. Таким образом, введение пожилого стало особенно актуальным в конце XV в.

Представительные данные о сроках льготы для крестьян содержатся в некоторых судных списках, например, в судном списке 1504 г. по тяжбе Троицкого Калязина монастыря на свои земли в Кашинском уезде⁹¹. Землевладелец или община освобождали новоприходца от участия в волостном разрубе податей на 4–5 лет, тем более, что государственный кадастр часто не сразу фиксировал нового тяглеца. Они не несли повинностей по волостному разрубу, за них платили односельчане-волощане. Селился ли новоприходец в готовом дворе, или волощане ставили ему двор заново, это не имело значения: все равно волость несла расходы по поселению льготника. В грамоте 1533 г. о выселении крестьянина с монастырского селища податные отношения землевладельца и поселенца описаны достаточно точно: «...Ивашко жил за богословским игуменом на Богословском селище на Иванчине на лготе, да лготу отсидел, а пошлин богословскому игумену с того селища некоторых не платил, ни под суд ся им не дает, а живет в том селище силно»⁹². Поэтому, чем дольше жил новопорядчик в волости на лготе, тем большим кредитом волощан по податям он пользовался. Этим фактом обусловлено появление нормы о пожиле в Судебнике 1497 г.

Вторая задача, стоящая перед исследователем крестьянского отказа — объяснение дифференцированного размера пожилого, зависящего от места и срока проживания крестьянина. За один год жизни в вотчине или волости крестьянин платил 1/4 пожилого, за два года — 1/2 пожилого, за три года — 3/4 пожилого, за четыре года — всю его сумму. С. Н. Кистерев обоснованно возводит происхождение четырехлетнего срока выплаты пожилого к порядку землепользования, характерному для трехпольной системы, и нормам обычного права. «...Четвертый год действительно считается годом полного освоения земельного участка (двора), за который и предстоит внести полную плату. Обустройство на новом месте и расчистка поля под посевы в течение первого года, посев яровых и озимых на второй год, введение в оборот третьего поля и запуск под пары одного из ранее обработанных в течение третьего года приводило на четвертый год к началу нового цикла оборота полей, то есть уже позволяло считать, что поля пахутся «по старине»⁹³. Если крестьянин жил на новом месте четыре года, он был в состоянии полностью освоить полевой надел и либо включиться в процесс выплаты повинностей, либо, сняв урожай с двух полей и оставив на следующий год озимое поле, «отказаться» в другую волость или вотчину. Таким

⁹¹ АСЭИ. Т. 3. № 172.

⁹² АИ. Т. 1. СПб., 1836. № 134. С. 195.

⁹³ Кистерев С. Н. Исковая давность в древнерусских юридических памятниках // Россия и Христианский Восток. Вып. 1. М., 1997. С. 99–100.

образом, объясняется хронологическая дифференциация размера пожилого.

Топографическая дифференциация — зависимость размера пожилого от места проживания крестьянина «в полях» (рубль) и «в лесех» (полтина) — в литературе объясняется ущербом землевладельца от временного запустения двора. В Судебнике 1497 г. эти различия не мотивированы, но уже в Судебнике 1550 г. содержится важное дополнение: «...а в лесех, где десять врѣст до хоромного лесу...» (ст. 88). Приведенная цитата говорит о том, что и фактор удаленности от селения строевого леса оказывал влияние на размер пожилого. Вопрос о степени сельскохозяйственного освоения центральных районов России в XVI в. до сих пор в полном объеме не изучен. Однако ряд фактов свидетельствует о том, что даже в приграничных уездах Северо-запада, как, например, в Пусторжевском, строевой лес порой располагался вдалеке от поместий. В 1583—1584 гг. при наделении черносошными землями выведенных из Ливонии помещиков писцы даже определяли места прогонов вблизи поместий В. Н. Огарева и И. М. Чихачева, по которым другие помещики и их крестьяне могли вывозить «хоромный» лес. Приведем выдержку из писцовой книги: «Били челом государю, царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси дети боярские немецких городов, которым роздана черная Борущкая волость, что к их деревням, которые даны им в поместья, лесу хоромного и дровяного нет (курсив мой — В. А.), и те их поместья без угодья, чтоб им для хоромного и дровяного лесу въезжати около Васильева поместья Никитина Огарева, да Ивана Михайлова сына Чихачева и иных помещиков за их поместья к Ошевскому стану того лесу въезжати негде; и детям боярским, которым роздана Борущкая волость, и крестьяном их около поместий Василья Огарева да Ивана Чихачева для дров и хоромного лесу въезжати, и людем их, и крестьяном лес сечи про себя, а не на продажу»⁹⁴.

Представляется целесообразным проверить нашу гипотезу на материале источников, возникших на основе обычая — порядных грамот. В истории изучения статей Судебников о крестьянском отказе не было ни одной попытки исследовать их как проекцию сложных отношений порядка-отказа на юридические формулы этого законодательного памятника. Право отказа получило освещение только в Судебниках по вполне очевидной причине: крестьянин, уходя из вотчины или черносошной волости, в отличие от холопа, не получал отпускную, и по фактам отказа возникали судебные иски. Таким образом, в ст. 57 и 88

⁹⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 8183. Л. 75 об. Пример Пусторжевского уезда весьма показателен как раз потому, что он находился на обильной лесами границе с Литвой, что зафиксировал проезжавший невдалеке от этих мест в 1517 г. С. Герберштейн. См.: *Герберштейн С. Записки о Московии* / Пер. с нем. А. И. Малейна и А. В. Назаренко. М., 1988. С. 235—236.

Судебников отразились лишь те моменты процедуры отказа, которые вызывали тяжбы.

Вместе с тем, условия крестьянского порядка оказались зафиксированы только в порядных записях, поскольку правительство не интересовало условия гражданско-правовых сделок, следствием которых была не утрата тяглица, а лишь смена им сеньора. Но поскольку историки не попытались рассмотреть проблему отказа как одной из форм классового противостояния. Поэтому комплексный подход к исследованию права крестьянских переходов должен заключаться в перекрестной проверке данных одного типа источников (законодательных памятников) данными другого типа (порядных записей), пусть и более поздних.

Древнейшая сохранившаяся порядная запись относится, как известно, к 1556 г. Трудно сказать, появляется порядная как документ только во второй половине XVI в., или имела распространение раньше. Важно, что как до середины XVI в., так и в первой трети XVII в. текстовая форма не считалась обязательной нормой, и большая часть договоров порядка заключалась устно: «а порядная запись меж нами не была, верились с ним божиею правдою», «а порядной мне не дал, и я, господа, поверил ево слову». Есть все основания полагать, что и в устном договоре между землевладельцем и крестьянином оговаривались основные условия соблюдения порядчиком вотчинного режима.

Каков был источник этих правовых норм? Отчасти вотчинный режим формировался под влиянием иммунитетных грамот, выдававшихся землевладельцам от имени главы государства. Но важнейшим источником правовых норм вотчинного режима было обычное право, формировавшееся в отношениях между землевладельцами и крестьянами. В. А. Александров считал, что обычное право далеко не всегда основывалось на обычае в прямом его понимании, и «глубоко ошибочно рассматривать его лишь архаически сохранившимся пережитком»⁹⁵. Обычное право мы понимаем не только как устоявшийся обычай, но и как правоотношения, существовавшие вне законодательных установлений и происходившие от прецедента или трансформированной нормы закона. Очевидно, что такой хозяйственный обычай, как крестьянский порядок, складывался веками, когда права и обязанности крестьян закрепились устной традицией, и только в XVI в. стал оформляться письменно в виде порядной записи.

В настоящее время на порядную запись установился взгляд как на крепостной акт, функция которого сводилась к первоначальному оформлению крепостной зависимости на еще не закрепощенные или временно освободившиеся от крепостной зависимости элементы

⁹⁵ Александров В. А. Обычное право крепостной деревни России XVIII – первой половины XIX в. М., 1984. С. 36.

общества⁹⁶. Однако такую функцию порядная запись приобрела по мере развития крепостничества, во второй половине XVII в., и содержание порядных этой функцией не исчерпывалось. На первом этапе развития крепостничества порядная запись по преимуществу представляла собой договор, который, определяя отношения между землевладельцем и новопорядчиком, не может быть точно определен в терминах новоевропейского права. Как писал Б. Д. Греков, «это договор средневекового феодального права о вступлении вольного человека в сеньориальную зависимость»⁹⁷.

Пионерами в деле оформления порядка были монастыри. Среди порядчиков были не только «новые» для землевладельца крестьяне. Более того, древнейшая из известных нам порядных новгородского Вяжицкого монастыря 1556 г. зафиксировала договор как раз со старинным крестьянином, который порядился «на старую свою деревню на обжу земли с четвертью»⁹⁸. Величина земельного надела, характерная для зажиточного крестьянина (1,25 обжи), не оставляет сомнений в том, что он был старожильцем, и поэтому в договоре не предусмотрена льгота и подмога для порядчика, а также обязательство ставить двор.

Объектом нашего исследования будут в первую очередь порядные с новоприходцами, составленные в Вяжицком монастыре в 1570—1590-х годах. 23 ноября 1576 г. двое крестьян помещика Басланова порядились с Никольским Вяжицким монастырем жить в деревне Липовец Завяржского погоста на 1/6 часть обжи. Крестьяне получили 2 рубля подмоги и двухлетнее освобождение от монастырских повинностей. Подмога и льгота были предоставлены с условием выполнения следующих обязанностей: «...А за ту подмогу нам и за льготу деревня розпахати и поля огородити, и старые хоромы починити и новые поставити, два хлева да мыльня...». Государственные повинности в порядной не были связаны с предоставлением подмоги: «А живучи нам на той деревни тягло государьское всякое тянути с волостью вместе, как соху наставим...»⁹⁹.

Наиболее развернутый формуляр имеет порядная Вяжицкого монастыря с двумя крестьянами, поселившимися на пустошь в Водской пятине «на обжу». Договор был заключен 4 августа 1590 г. сроком на 4 года. Условия договора были детально регламентированы: «...нынешняго 98 году поставити нам на той Николины деревни на Высоком 2 дворы крестьянские, мне Ждану поставити изба трех сажен наземная, да противу клеть, да два хлева, да межи хлевов два пристена, а мне Кирилы

⁹⁶ Маньков А. Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в. М.; Л., 1962. С. 222.

⁹⁷ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси. Кн. 2. М., 1954. С. 185.

⁹⁸ АЮ. СПб., 1838. № 177. С. 195.

⁹⁹ Там же. № 178. С. 196.

на другом дворе поставити изба трех сажень наземная, да противо клеть, да два хлева, да межи хлевов два пристена; а прийти нам жити на ту деревню в 99 году, на Николин день на Вешной, и приход нам на ту деревню на Высокое в те свои в поставленные двory пашня распашати, и поля росчистити, и городьба около поль городити, и луги росчистити. А жити нам во льготе на той деревни с Николина дни вешняго вперед четыре годы, и в те нам льготные лета монастырские хлебные дани и денежных оброков ничего не давати, и государевых нам податей в те во льготные лета своей пашни со обжи никаких не платити, и монастырского некоторого дела нам не делати; ...а после льготных лет своей нам с пахотные обжи платити всякие государевы подати с волостью вместе. А не поставим мы на той пустоши на Николиной деревни на Высоком на обжи по своему договору и по записи двух дворов крестьянских, или не пойдём жити на Николину деревню на Высокое, и игумену Закхью взяти на нас за дворовое поставленье и за нероспашку 10 рублей московская по сей рядной записи»¹⁰⁰.

По условиям порядной 1590 г. крестьянам не предоставлялась подмога, но неустойка также не была связана с выплатой государственных повинностей. Как видно из наиболее ранних сохранившихся порядных, составлявшихся в период, когда норма о Юрьевом дне сохраняла свое действие, землевладельцы выдавали подмогу и предполагали взимать неустойку за распашку или нераспашку земель и «дворовое поставленье». Особенно характерна в этом отношении порядная 1590 г., по условиям которой крестьяне освобождались от государственных повинностей на 4 года. Понятно, что в течение четырех лет подати с обжи, которую занимали крестьяне-льготчики, выплачивали крестьяне монастырской волости. Если предположить, что после истечения срока льготы порядчики покинули освоенную деревню, возникает вопрос: каким образом компенсировались убытки крестьян, тянувших тягло за новопоселенцев в течение 4 лет? Логично заключить, что эту функцию выполняло пожилое Судебника. Таким образом, если льготчик, не дожив срока льготы и не войдя в волостной разруб, уходил, он выплачивал те издержки, которые несли волость или землевладелец, неся за него государственные повинности.

В реальности положения Судебника не исполнялись, в Ржеве Пустой в 1555 г. помещики брали «пожилое рублей по 5 и по 10»¹⁰¹. В 1601—1602 гг., когда правительство Бориса Годунова частично восстановило Юрьев день, размер пожилого для всех местностей стал единым (1 руб. 6 алт.)¹⁰². Как это ни парадоксально, но в более позднем законодательстве понимание пожилого как компенсации «за государевы подати

¹⁰⁰ АЮ. № 186. С. 199—200.

¹⁰¹ ДАИ. Т. 1. СПб., 1846. № 56. С. 120.

¹⁰² ЗАРГ. Тексты. Л., 1986. № 50—51. С. 70—71.

и за помещиковы доходы» сохранилось. Только теперь деньги предписывалось взыскивать не с уходящего крестьянина, покинувшего двор, а с землевладельца или общества, которые приняли беглых: «А сколько они за кем с сего государева уложения поживут, и на тех, за кем учнут жить, за государевы подати и за помещиковы доходы взять за всякого крестьянина по 10 рублей за год и отдавать исцом, чьи те крестьяне и бобыли»¹⁰³. По наказу сыщикам 2 марта 1683 г. размер «пожилых денег» за сбежавших до сентября 1661 г. составил 10 рублей, а за сбежавших после сентября 1661 г. — 20 рублей в год¹⁰⁴.

* * *

Мы проследили эволюцию права крестьянского отказа по актам и Судебникам XV—XVI вв. Очевидны изменения, произошедшие в финансовой политике России в конце XV в., после объединения земель вокруг Москвы. Исследователи фиксируют почти полное прекращение примерно с 80-х годов XV в. земельных пожалований монастырям и податных льгот всем землевладельцам¹⁰⁵. Статус слобод изменился, этот термин теперь не применялся к владениям феодалов, а черные слободы стали получать унифицированные уставные грамоты. В большей части уставных грамот сохранялась фигура умолчания, поскольку в их состав не включались статьи о крестьянском отказе. Только в двух грамотах — Моревской и Важской — встречается упоминание о запрещении выхода тягльцам. В то же время в судебных грамотах, выдававшимся дворцовым селам, имелись статьи о крестьянском отказе¹⁰⁶.

Положение вещей, существовавшее в XV — первой половине XVI в., нельзя трактовать как начальную стадию в развитии крепостного права. Государственное крепостное право начало складываться лишь с введения заповедных и урочных лет в 1580-х — 1590-х годах. Как считает Ю. Л. Бессмертный, такие русские термины, как «крепостничество» и «крепостное состояние» «выработаны на материалах позднего средневековья и подразумевают наличие общегосударственного правового статуса, реальное пресечение ухода с земли для основной массы крестьянства, тесную связь с его использованием на барщине (или же с его привлечением к уплате обширных государственных налогов), т. е. все то, что на первом этапе зрелого феодализма либо вовсе отсутствовало, либо встречалось в качестве исключения»¹⁰⁷. В Русском государстве XV—XVI вв. только начал вырабатываться общегосударственный право-

¹⁰³ Соборное уложение 1649 года: Текст. Комментарии. Л., 1987. С. 66 (гл. XI, ст. 10).

¹⁰⁴ Российское законодательство X—XX вв. Т. 4. М., 1986. С. 83.

¹⁰⁵ Флоря Б. Н. Эволюция иммунитета светских феодалов... С. 68—70; Кашина С. М. Финансы средневековой Руси. С. 20.

¹⁰⁶ Наместничьи уставные... № 7. С. 132; № 9. С. 139.

¹⁰⁷ История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 2. М. 1986. С. 514.

вой статус крестьян, до середины XVII в. государство не обладало реальными инструментами для прекращения несанкционированного выхода крестьян, а барщина, как доказал Л. В. Милов, лишь зарождалась¹⁰⁸.

Мероприятия князей XV в. по пресечению ухода крестьян от землевладельца носили локальный и временный характер, и должны рассматриваться как элемент не крепостного, а феодального права в широком смысле слова. Одним из основных признаков феодализма было разнообразие правовых режимов на территориях разной юрисдикции. Владения с разными правовыми режимами были обособлены, что приводило к запрету смены статуса для тяглых, письменных и вытных людей. Запрет перехода в другое правовое поле был закономерным следствием развития системы феодального иммунитета. С ликвидацией податного иммунитета и изменениями в слободском праве партикулярное феодальное право стало трансформироваться в общегосударственное. Частные распоряжения князей уступили место общегосударственному праву крестьянского отказа и поряда.

Приложение

1569 г. — Порядная запись И. Астафьева и В. Кузнецова с Спасо-Прилуцким монастырем

Се яз, Илья Остафьев сын, да яз, Василей Кузмин сын Кузнецов, порядилися есми у спаского игумена у Давыда и у всеи братъи Прилуцкого монастыря в деревню на Фролово на два плуга в лете 7070 восьмом году от Юрьева дни осення да до Юрьева ж дни до осення на год. А денег казенных за нами 60 алтын, а ржаных семян за нами 8 четвертей, а овсяных 18 четвертей, а ячмени четверть.

И в той нам деревне пашня пахать, и оброк и царская подать давати, манастырское изделье делати, а оброку нам дати по книгам и по рядной записи с плуга по две четверти ржы, да по полутрети четверти овса, да четверть ячмени. А порука по нас архангельской поп Кондратей попов сын Федотьев в пашне и в царской подати и в оброках.

А на то послуши: Максим Васильев сын с Перепечина да Семен Дмитреев сын Кистенев из Градинскога.

Запись рядную писал архангельской дьячек церковной Климко Федоров сын лета 7070 осмаго.

На обороте: Вымырная.

Архангельской поп Кондратей порушник к записи руку приложил и в сына своего духовнаго Ильи ...

Архив СПб ИИ РАН. Ф. 271. Оп. 1. № 94. Подлинник.

¹⁰⁸ Милов Л. В. Великорусский пахарь... С. 450–466.